

Звеньк!

Вдалеке в небе раздался звон колокола. Чарующий звук, по иронии судьбы символизирующий место обитания десятки змей. Перед их глазами возвысился храм.

Звеньк!

Розелин вскочила, как кошка, ошпаренная кипятком. Внутри экипажа что-то столкнулось со стеной. Огромная карета затряслась, как во время землетрясения, отчего острая боль ударила по голове Розелин. Розелин схватилась за голову и заскулила, и Рикардис поспешно потер ее макушку.

Снаружи Старз постучал в окно кареты и спросил, что происходит. Рикардис нахмурился. Он был обеспокоен тем, что если скажет что-нибудь несуразное— например, что Розелин ударилась головой о потолок кареты— это повредит ее чести и авторитету. Если быть откровенным, человек, о котором шла речь, жил без знаний о своей репутации, но это уже другое дело.

Розелин опустилась на колени, положив голову на бедро Рикардиса, долго испуская стон. Рикардис погладил Розелин по голове и поднял лицо, чтобы вытереть слезы. Тепло его руки немного облегчило боль Розелин.

—Почему ты вдруг встала?

Почему? Слушая его вопрос, Розелин задумалась. В тот момент, когда она услышала звон, ее тело дернулось само по себе. Она хотела убежать, выбраться из этого места. Точно так же, как когда карета качалась ранее, ее сердцебиение продолжало вибрировать. Розелин снова опустила голову, положив на колени Рикардиса. Она крепко ухватилась за его бедро.

Из-за неожиданного плохого настроения Розелин Рикардис...почувствовал себя неловко. Затем он снова нежно погладил ее по голове. Розелин сомкнула веки, ощутив тепло, обволакивающее от макушки до пяток.

—Тебе очень больно?

Нежный голос коснулся ее сердца и мягко утешил. Сердце, потрясенное звуком колокола, чинно успокоилось.

Они прибыли. Храм был так же великолепен, как замок из золотого камня. «Придите. Пожалуйста, посетите хотя бы один раз». 2-й принц, который так и не пришел, сколько бы они ни молились, получил приветствие взволнованно выбегающих священников и святых рыцарей.

—Приветствуем благословение Иллавании, призывающее Белую ночь.

—Благословения и вам. Я здесь, чтобы встретиться с верховным жрецом Лахеанси, так что вам нет нужды уделять мне внимание.

—Нас удостоил чести благородный человек, так что позвольте нам направить вас...

—Мне это не нужно. Уходите. Я прихожу сюда с детства. Я могу добраться туда с закрытыми глазами.

У старого священника выступили слезы. Они были взволнованы, сказав, что всегда верили, что его высочество 2-й принц не остерегался их и что его сердце всегда было с теми, кто служил в святом великом храме.

И правда. Как они могли это так интерпретировать? Рикардис вздрогнул.

Не обращая внимания на многих людей, желавших к нему прилипнуть, Рикардис пошел своим путем. Некоторые погнались за ним, желая вставить слово. К счастью, все они были заблокированы сетью сопровождения рыцарей Белой ночи.

Розелин следовала за Рикардисом в хвосте группы. Она обернулась из-за глаз, сверлящих ее затылок. Молодой священник, встретившийся с ней взглядом, нахмурился, будто увидел что-то грязное.

Розелин оглядела толпу, одетых в белые наряды. Тысячи из них не сводили глаз с Розелин, и у всех на лицах читалось одинаковое отвращение. Это как пространство, заполненное сотнями масок с искаженными лицами.

Розелин чувствовала себя совершенно одинокой; казалось, что паук медленно ползет по ее голове и спускается по затылку. Эта враждебность, давно позабытая, не была ей незнакома.

Когда Розелин пришла в себя, Рикардис находился перед ней, а Рэймонд вопросительно посмотрел на нее. Розелин на мгновение остановилась, а затем скорой поступью последовала за ними. Но когда она собиралась пройти через арочную дверь...

Лязг!

Раздался резкий металлический звук. Рикардис обернулся на звук. Двое паладинов, охранявших вход, скрестили свои копыя, преграждая Розелин путь. Розелин стояла неподвижно, бесцельно моргая глазами: закрывая и открывая их.

Она что-то проворчала, прикусив губу, перевела взгляд вверх, затем наклонилась, чтобы

пробраться через скрещенные копы. Розелин сосредоточила взгляд на своей задаче, заставляя паладинов, сурово глазевших сверху вниз, в панике менять положение копий.

—...Что происходит?

Паладины в изумлении оглянулись на ледяной голос. Второй принц Рикардис славился прямой, но его было нелегко разозлить. Но что насчет нынешнего положения? Его пристальный взгляд оставался немигающим, а твердые мышцы челюсти время от времени подергивались. Любой мог сказать, что он был в ярости.

Розелин не остановилась и пошла дальше. Воспользовавшись удивлением паладинов, она начала пробираться на четвереньках. Когда паладины пришли в себя, они подняли свои копы, не позволяя ей пройти. Розелин слегка разочарованно прищелкнула языком.

Девять из десяти тихо и осторожно уходили, когда им отказывали ступить в храм. Другим вариантом был вопрос «что происходит». Паладинов прошиб холодный пот от странного поведения Розелин и ее непредсказуемых реакций. Неужели у нее нет гордости? Почему она ползет??

—Я спросил: что происходит?

Паладины переглянулись, заикаясь.

—Согласно закону храма, демоны не могут проходить через врата благословения.

Рикардис на мгновение коснулся лба, осторожно закрыв глаза. На лице образовались морщины. Его уста дернулись, и он что-то пробормотал...

—Посмотри сюда...@#\$^&##...

Вышла серия оскорблений. Вульгарные ругательства, используемые только теми, кто ходил по мрачным закоулкам, сумели прорваться сквозь рациональный фильтр Рикардиса. Паладины напряглись при виде редкого вида второго принца, ругающегося собственными устами.

Розелин наблюдала за ситуацией, все еще прижимаясь животом и подбородком к полу.

—Так сказал ваш великий Иделавхим?

—Э-это традиция длится уже сотни лет...

—Так сказал милосердный Иделавхим?!

Рикардис огрызнулся на святых рыцарей, стоящих перед ним, перекаывая каждое слово.

—Иделавхим, свет мира, который благословляет землю и наделяет людей богатством, принося плоды на нашей земле. Я спрашиваю, говорил ли этот Иделавхим непосредственно вам. Сказал ли он: «Демоны зловещи, не позволяйте им входить в мой храм?»

—Э-это...

—Ты сказал, что это закон храма? Закон храма, утвердившийся с рождения Иллавении? Он великолепен и возвышен, ибо выражает волю Высших Иделавхим. Однако в каждую эпоху великие императоры по-разному интерпретировали его слова. Так что же они на самом деле означают?

Рикардис подошел к паладину.

—Иделавхим, тот, кто освещает все сущее, говорит нам, что даже обладатели смирения никогда не узнают, когда мы умрем. Так что с этой скромной головой...

Рикардис ударил паладина по голове. Это не было больно, но этого хватило, чтобы почувствовать себя плохо.

—... Знайте, что есть вечная воля, но нет вечного закона. Тогда первое, чему вы должны следовать, —это словам его величества императора, который лучше всех понимает волю Иделавхима в земной жизни. И поскольку его величество император признал даму Розелин моим рыцарем сопровождения, а не демоном, и позволил ей остаться...Сейчас вы спорите с моим рыцарем сопровождения, коего признал его величество император.

Паладины так застыли, что не могли произнести ни слова. Они столкнулись с давлением, которое исходило бы не от благородного принца, а от зверя. Его белая кожа казалась высеченной из льда, а красивые глаза настолько пронзительными, что бросали в дрожь. Рикардис стиснул зубы, схватив одно из двух копий.

—Копье, направленное на нее, — это то же самое, что копье, направленное на меня.

Незадачливый паладин, пойманный Рикардисом, попытался вытащить свое копье. Но твердая хватка Рикардиса не позволила ему сдвинуться с места. Лицо рыцаря покраснело. Он проводил время, изучая и молясь, но его сила не шла ни в какое сравнение со вторым принцем, вкушившим битвы. Рикардис посмотрел в глаза человека, схватил копье и со стуком бросил его в грудь. Когда рыцарь грубо получил оружие обратно, он склонил голову и отступил.

Розелин мазнула его взглядом, затем быстро прошла мимо тех, кто препятствовал ее пути, и встала позади Рикардиса. Уродливые, полные отвращения лица исчезли. Когда Розелин облегченно вздохнула, Рикардис нежно взял запястье. Он отряхнул грязную униформу

Розелин.

—Дама, все в порядке?

Рикардис опустил голову и с беспокойством посмотрел на нее своими молодыми глазами, полными любви. Розелин слегка кивнула, и Рикардис улыбнулся, пытаясь смягчить выражение лица.

—Ты действительно в порядке?

—Да.

Прикосновение и дружелюбный взгляд Рикардиса высвободили чувства, плотно закрытые внутри нее. Его высочество по-прежнему лучший. Розелин смотрела на паладинов, все еще неохотно последовавших приказу, и по-злодейски ухмыльнулась. Рикардис немного поднял себе настроение, глядя на нее.

Пока они шли по длинному коридору, Розелин поочередно утешали Старз, Рэймонд, Шутен, Бастиан и даже Иссериион. Каждый из них сказал свое слово, затем положил ей в рот маленькое печенье. Розелин угрюмо и деловито шевелила губами.

Первосвященники жили отдельно в своих соответствующих пристройках внутри храма. Крыло, в ком остановился Лахеанси, было маленьким, по сравнению с другими высокопоставленными священниками, но отличалось своим великолепием и красотой. Розелин огляделась с широко открытым ртом. Рикардис прищелкнул языком.

—Люди, которых называют священниками, на самом деле...

Молодой священник уже ждал снаружи. И Розелин узнала его лицо. Это был один из людей, стоявших на помосте во время фестиваля «Ночь без тени».